

КИТАЙ:
ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

СТРАТЕГИЯ ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ КНР:
ПРАКТИКА И ЕЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ
(1993–2018)

© 2019 г. Е. Грачиков

ГРАЧИКОВ Евгений Николаевич, кандидат политических наук, доцент
Российский университет дружбы народов, РФ, 117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6 (egrachikov@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 18.09.2018.

В статье исследуются партнерские отношения Китая, которые установлены со 100 странами пяти макрорегионов мира. За четверть века Китаем была создана хорошо структурированная “глобальная сеть отношений”, определены *опорные* страны, используемые для защиты коренных интересов Китая, и *узловые* – для расширения внешнеполитических ресурсов страны. В статье представлен *китайский* взгляд на стратегию партнерских отношений. Методологическим инструментарием выступают два аналитических подхода: процессный конструктивизм и нормативные требования, которые становятся влиятельными трендами в китайских исследованиях мировой политики.

Ключевые слова: дипломатия Китая, партнерские отношения, дипломатические стратегии, процессный конструктивизм, опорные страны, узловые страны.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-3-83-93

Стратегия партнерских отношений в качестве главного нарратива дипломатии Китая появилась на свет как ответ на критические внешние условия (фактически международная изоляция), которые сложились вокруг Китая после “событий 4 июня 1989”, когда были подавлены выступления студентов на площади Тяньаньмэнь. Запад ввел против КНР санкции, действующие по сей день, и запретил экспорт в эту страну военной техники, оборудования и технологий двойного назначения. Распад Советского Союза в 1991 г., наступление периода однополярности в мировой политике также способствовали потере интереса США к Китаю как стратегическому партнеру. С учетом сложившейся международной ситуации, в 1992 г. на XIV съезде КПК была сформулирована новая “коренная дипломатическая стратегия” (核心的外交战略) как мирная дипломатия, выступающая против гегемонизма, под которым теперь однозначно понимались Соединенные Штаты, ранее под этим термином имелся в виду СССР. Решения съезда подвели черту и под периодом стратегического альянса между Вашингтоном и Пекином (приблизительно 1971–1991 гг.), который сложился между ними в борьбе против Советского Союза и выражался в формуле Мао Цзэдуна “стратегия одного фронта (одной линии)” (“一条线”战略). Период с 1989 по 1995 г. ученые университета Цинхуа называли поворотом к консерватизму (*a conservative turn*) как во внутренней, так и внешней политике [1, р. 9]. “Партнерские отношения” Китая складывались постепенно, на первый взгляд даже хаотично, как новый инструментарий дипломатической

практики, который впоследствии по прошествии довольно длительного времени был обозначен как “дипломатическая стратегия” в глобальном сетевом измерении.

ОБЗОР БИБЛИОГРАФИИ

Исследования *российских* ученых современной дипломатии Китая главным образом касаются публичной [2], экономической [3; 4; 5] и культурной [6] дипломатии. Вместе с тем ряд работ исследуют период партнерских отношений Китая. Так, М.В. Мамонов в “системе внешнеполитических приоритетов современного Китая” отмечает, что во второй половине 1990-х годов руководство КНР произвело корректировку внешней политики и стало формировать внешнеполитическую стратегию как целостного комплекса мер по реализации “стратегии глобального добрососедства”. В каком-то смысле, отмечает ученый, это была политика “глобальной профилактики внешних угроз”, понимаемых шире, чем только в военно-политическом смысле [7, с. 421]. Н.В. Козыкина и К.Г. Муратшина в учебном пособии “Особенности дипломатии современного Китая” рассматривают модели стратегического партнерства Китая, но саму политику партнерства КНР соотносят только со странами Африки [8].

Наиболее подробно дипломатия партнерских отношений была изучена В.Я. Портяковым в статье “Партнерство как инструмент современной внешней политики КНР”. Ученый пишет, что с начала 1990-х годов одним из важнейших направлений

обновления внешнеполитического инструментария Китая стало создание системы партнерских отношений с различными государствами. В первую очередь партнерские отношения устанавливались с соседями, однако затем процесс вышел далеко за рамки близлежащего географического ареала, и в настоящее время Китай имеет партнерские отношения с несколькими десятками стран буквально по всему миру [9].

Принципиальными особенностями политики партнерства, предложенной Пекином членам международного сообщества, считает В.Я. Портяков, стали: отказ от прямого вызова существующему международному порядку, невступление в какие-либо союзы в целях противодействия третьему государству, активное продвижение механизмов консультаций и сотрудничества, поиск точек совпадения или близости взаимных интересов. Формат партнерства удачно вписался в общую внешнеполитическую стратегию КНР, ориентированную на создание международной обстановки, благоприятствующей долговременному мирному развитию страны. Поскольку отношения партнерства означали разрыв с традициями вступления в союзы и противостояния, то, как утверждается в КНР, формирование сети партнерских отношений «существенно расширило внешнеполитическое пространство Китая». На практике формула партнерства работала на создание благоприятной для Китая международной обстановки сразу по нескольким направлениям. Во-первых, она позволяла снизить уровень конфронтационности в двусторонних отношениях с такими сложными для Китая партнерами, как, например, США и Япония. В этом смысле инструмент партнерства, если не прямо, то косвенно служил цели повышения уровня безопасности Китая. Во-вторых, ставка не на давление и силовые методы воздействия, а на сотрудничество, консультации, поиск взаимной выгоды или, как минимум, точек соприкосновения улучшала общую атмосферу двусторонних отношений КНР со страной-партнером и облегчала решение тех или иных сложных проблем. В-третьих, формула партнерства в определенной мере снижала действенность теории «китайской угрозы», разнообразные модификации которых появились в 1990-е годы и существуют до сих пор [9].

В англоязычных изданиях тема партнерских отношений сначала появилась в связи с событиями «11 сентября» 2001 г. в США и необходимостью для администрации Буша выстраивания партнерских отношений со странами вне НАТО и ЕС для борьбы с международным терроризмом. Дэниел Хамилтон выделил четыре типа партнерских отношений США: договорные союзники (*treaty allies*), главные союзники вне НАТО (*major non-NATO allies*), стра-

тегические партнеры (*strategic partnership*) и стратегические диалоги (*strategic dialogues*) [10, pp. 8, 9, 11–20]. Представляя себе «многопартнерский мир» в виде традиционных союзников и развивающихся стран, администрация Обамы тем не менее активно использовала многие коннотации, связанные с партнерскими отношениями. Соединенные Штаты стали создавать сеть партнеров (*a web of partners*), которая использовалась, чтобы стабилизировать межгосударственные связи внутри важных для нее регионов, таких как АТР, где продвигала свои ценности, интересы и создавала стабильный и легитимный международный порядок [11, pp. 3–32]. США установили стратегические партнерские отношения с Афганистаном, Индонезией, Новой Зеландией и Вьетнамом, статус Израиля подняли до «главного стратегического партнера», а с Тунисом, Либерией и Индией вступили в стратегический диалог [12, pp. 262–289]. Индия в свою очередь с более чем 10 странами установила стратегические отношения [13]. Европейский союз с 2003 по 2010 г. установил стратегические партнерские отношения с 10 странами (в том числе с Китаем, Индией, Бразилией и Мексикой) и двумя регионами (Африкой и Латинской Америкой) [14; 15; 16]. Россия также стала применять в своей дипломатической практике формулу стратегических отношений, например с Китаем, Индией, Вьетнамом и другими странами.

В последнее время работы на английском языке, касающиеся современной дипломатии КНР, акцентируют внимание на активности Пекина в Совете Безопасности ООН [17], такой форме публичной дипломатии, как распространение Институтов Конфуция [18], влиянии глобальных СМИ и публичной дипломатии на отношения Китая с Западом [19], экономической [20] и миграционной дипломатии [21], дипломатии «Шелкового пути» в Центральной Азии [22], истории установления дипломатических отношений Запада с Китаем [23], переговорном поведении последнего [24], дипломатии эмоций [25], оказании помощи и продвижении инвестиций [26] и дипломатии мягкой силы [27]. Однако уже в 2018 г. Джеффри Ривз ставит вопрос о китайском империализме в контексте периферийной дипломатии администрации Си Цзиньпина с развивающимися государствами. Он, в частности, отмечает, что с критической точки зрения с 2012 г. видны очевидные свидетельства империалистического поведения в подходе Китая к его отношениям с указанными государствами. Ривз отмечает, что правительство КНР разработало всеобъемлющую систему взаимодействия с периферийными государствами, которая направлена на создание региональной сетевой структуры, ориентированной на Китай. Для достижения этой цели он использовал гетерогенные контракты, приме-

нял тактику “разделяй и властвуй”, осуществлял имперскую брокерскую деятельность и применял стратегии для установления влияния с целью непрямого управления (*indirect rule*). Концептуально империалистические пристрастия администрации Си проявляются во всех его ключевых концепциях внешней политики, включая инициативу “Пояса и Пути”, участие во “Всеобъемлющем стратегическом партнерстве” с идеями “Китайской мечты”, “Великого возрождения китайской нации” и “Сообщества общей судьбы” [28, pp. 976-998]. Такая постановка вопроса не покажется странной, если принять во внимание огромный разрыв во взглядах на мироустроительные проблемы, существующие между Китаем и Западом. Это вопросы глобального управления, прав человека и стратегического партнерства [29].

Обращает на себя внимание своей основательностью статья Георга Струве “Дипломатия партнерских отношений Китая: международные союзы, основанные на интересах или идеологии”. Струве пишет, что хотя на протяжении большей части периода холодной войны невозможно было представить международное сотрудничество без термина “союз”, однако за последние два десятилетия стратегическое партнерство заняло центральное место в дипломатическом инструментарии многих государств. В качестве примера он рассматривает партнерскую дипломатию Китая с 1990 по 2015 г. с учетом того, что несмотря на подъем интереса к проблеме партнерства в современной международной политике, важные вопросы, такие как детерминанты возникновения партнерских отношений, выбор партнеров, цена этого выбора и выгоды от партнерства, в основном остаются без ответа. Теоретический анализ у него основан на научном понимании формирования альянса и международного сотрудничества для формулирования двух широких предположений о выборе партнеров, которые вызваны интересами и основаны на идеологии, мотивирующие эти союзы. В отличие от общих аргументов в отношении формирования альянсов, партнерские отношения, похоже, вряд ли будут учитывать внутригосударственные идеологии. Фактически, двусторонние партнерства помогают преодолеть идеологические разногласия и обеспечить, по крайней мере в случае с Китаем, стремление соответствующих партнеров к экономическим выгодам и дипломатическим предпочтениям. Они оказывают заметное влияние на экономические отношения партнеров, а также на сближение их взглядов на международный порядок. Таким образом, делает вывод Струве, растущий спектр партнерских связей КНР расширяет потенциал страны для оказания влияния на международные политические процессы [30].

ПАРТНЕРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ: ДЕФИНИЦИИ, СОДЕРЖАНИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ

По мнению китайских ученых, *партнерские отношения* — это тип отношений международного сотрудничества, основанный на общих интересах для достижения общих целей путем совместных действий [31, p. 65]. Они строятся на принципах равенства, мира и открытости, не подразумевают главенство Китая, не делят мир на лагеря, исключают понятие врагов и не направлены против третьей стороны. Это полное отрицание менталитета холодной войны и выход за рамки традиционных межгосударственных отношений, характеризующихся заключением союзов или конфронтацией стран [32]. Профессор Высшей партийной школы при ЦК КПК Мень Хунхуа считает, что *стратегичность* (*zhanluexing*, 战略性) партнерских отношений заключается в потребности расширения национальных интересов (связанных с глобализацией и возникающей с этим необходимостью устранения столкновения интересов разных стран), стимулировании взаимовыигрышных целей (что гарантирует реализацию планов развития страны и достижения морских интересов страны), реализации формата совместных интересов (которое подразумевает не только совместное получение прибыли, но и совместное противостояние угрозам и вызовам), сломе представлений о “дилемме подъема крупной державы” (“大国崛起困境”), которая связана с тем, что рост национальной мощи и международного статуса Китая привносит в международные отношения проблемы “абсолютной безопасности” (“绝对安全”) или “преувеличенное значение интересов” (“过分利益”) [33].

Стратегия партнерских отношений Китая представляет собой стратегический курс защиты своих интересов и расширения международного влияния, при проведении которого используются такие стратегические приемы, как взаимное политическое доверие, экономическая взаимозависимость, культурные контакты, социальное взаимодействие и поддержка в вопросах безопасности, при этом улучшение двусторонних отношений способствует расширению глобальной стратегии и реализации ее *стратегических целей* (*zhanlue mubiao*, 战略目标). К числу главных целей относятся.

1. *Разработка общей концепции* (*zhangxian linian*, 彰显理念). Стратегия партнерских отношений — это прямое проявление мирного развития и сотрудничества общего выигрыша, которая позволяет создать благоприятный международный имидж Китая и должна показать, что она отличается от концепций других поднимающихся великих держав.

2. *Стабилизация двусторонних отношений* (*wending shuangbian*, 稳定双边). Партнерские от-

ношения представляют собой форму не только институализации двухсторонних отношений, но и попытку их стабилизации и улучшения, с тем чтобы предоставить эффективную стратегическую опору для региональной и глобальной стратегии КНР.

3. *Углубление сотрудничества (shenhua hezuo, 深化合作)*. Партнерские отношения — это отношения взаимозависимого сотрудничества, главная роль которых раскрывается в экономической сфере и постепенно в социальной, политической и области безопасности, а межгосударственные национальные интересы, путем переплетения общих интересов, начинают взаимное проникновение, создавая таким образом обстановку институционального мирного развития (制度化的和平发展).

4. *Компенсирование угроз (zhizheng weishe, 制衡威慑)*. Партнерские отношения — это международные отношения стратегической направленности. При выборе партнерских отношений Китай обращает внимание на “внутренние игры” двусторонних отношений (双边关系内部的博弈) и на возможность “внешнего уравнивания (компенсирования)” партнерских отношений (双边关系外部的制衡). Так, например, китайско-российские отношения всестороннего стратегического сотрудничества играют важную роль в устранении агрессивной ситуации, создаваемой администрацией США.

5. *Форматирование общей ситуации (早就态势)*. Ядро стратегической ситуации заключается в стратегической инициативе (战略主动权), которая должна благоприятствовать нынешним и последующим стратегическим действиям страны [31, p. 71]. Партнерские отношения играют важную роль в четырех областях: взаимное согласование в политической сфере, взаимное сотрудничество в экономической, взаимная поддержка в области безопасности и взаимное осмысление в культуре [31, p. 72].

Мень Хунхуа делит историю развития партнерских отношений на три периода: стратегического поиска (*zhanlue tansuo qi, 战略探索期*), стратегического развития (*zhanlue fazhan qi, 战略发展期*) и стратегического совершенствования (*zhanlue wanshan qi, 战略完善期*).

Первый период (1993–2002 гг.) — стратегическо-го поиска. Для Китая он характеризуется тем, что после распада СССР Америка больше не нуждалась в китайской силе (中国力量), и в глазах американских стратегов Китай автоматически превратился в соперника (对手), а китайская экономическая система оказалась открытой для “глубинных противоречий”. Именно в это время Дэн Сяопин сказал, что страна должна вести себя скромно, не претендовать на лидерство и заниматься исключительно

экономикой. В 1997 г. на *XV съезде КПК* было заявлено, что Китай — независимая, самостоятельная великая держава, не вступающая в союзы, выступающая против гегемонизма и не претендующая на гегемонию. В этом году США и КНР определили свои отношения как конструктивные, стратегические и партнерские. В целом в первый период с 11 странами и одним региональным объединением было подписано 14 соглашений, из которых 12 по установлению и два по развитию партнерских отношений. В частности, в 1993 г. такие отношения были установлены с Бразилией, в 1994 — с Россией, в 1996 — с Пакистаном и Непалом, в 1997 — с Францией, в 1998 — с Евросоюзом, Англией и Южной Кореей, в 1999 — с Египтом, в 2000 — с Турцией и Южной Африкой, в 2001 г. — с Венесуэлой. Договоры по углублению партнерских отношений подписаны с Россией (1996 г.) и Евросоюзом (2001 г.). Таким образом, главным направлением стратегии партнерских отношений периода поиска стали торгово-экономические связи, которые касались самых главных международных акторов, и были заложены основные форматы будущего распространения стратегии партнерских отношений на другие страны. В это же время были выработаны определенные модели (模式) стратегического консенсуса (战略共识), стратегического планирования (战略安排) и стратегического целеполагания (战略目标) партнерских отношений [31, pp. 73, 74]. К 1998 г. Китай поддерживал отношения со 162 странами, стал членом около 400 международных организаций и участником более 100 международных договоров [34, p. 8]. Он инкорпорировался во все международные структуры, что привело к завершению процесса его социализации в международное сообщество.

Второй период (2003–2012 гг.) — стратегического развития. Китайские ученые связывают его с новым взглядом на безопасность (新安全观) и дипломатическую стратегию КНР, утвержденную на *XVI съезде КПК* в 2002 г. Последовательность стратегических приоритетов в соответствии с решениями съезда распределилась следующим образом: развитые страны, приграничные страны, Третий мир и многосторонние международные организации. По сравнению с *XV съездом КПК*, развитые страны среднего уровня и развивающиеся страны получили преимущественное внимание (cezhongdian, 侧重点) [35, pp. 205–206]. Данный период ознаменовался стремительным ростом экономики и комплексной мощи, активным улучшением и укреплением дипломатических отношений Китая. На этой основе был в полной мере использован “период стратегических возможностей” (*zhanlue jiyu qi, 战略机遇期*), выросла международная сила влияния, и Китай занял значительное место в руководящих органах международных организаций.

Страны-партнеры были распределены в три группы (типы партнерских отношений): глобальные партнерские отношения (только Россия), стратегические партнерские отношения (восемь подтипов, куда вошла 51 страна и три региональные объединения) и обычные партнерские отношения (шесть подтипов – 15 стран и одно региональное объединение) (табл. 1).

На XVII съезде КПК в 2007 г. была уточнена последовательность стратегических приоритетов Китая: развитые страны, приграничные страны и регион Восточной Азии, развивающиеся страны, многосторонние международные организации [35, pp. 205-206]. Наступивший период стал переходом партнерских отношений на новый уровень, где основным стратегическим направлением оказываются

Таблица 1. Классификация партнерских отношений КНР, 1993–2014 гг.

Типы партнерских отношений	Название партнерских отношений (в соответствии с договором)	Страна/ региональные объединения	Итого
Глобальные партнерские отношения 全局性的伙伴关系	Партнерские отношения всестороннего стратегического сотрудничества 全面战略协作伙伴关系	Россия	1
	Партнерские отношения всепогодного стратегического сотрудничества 全天候战略合作伙伴关系	Пакистан	1
Стратегические партнерские отношения 战略性的伙伴关系	Партнерские отношения всестороннего стратегического сотрудничества 全面战略协作伙伴关系	Вьетнам, Камбоджа, Бирма, Лаос, Таиланд	5
	Партнерские отношения стратегического сотрудничества 战略合作伙伴关系	Южная Корея, Индия, Шри-Ланка, Афганистан	4
	Многовекторные стратегические партнерские отношения 全方位战略伙伴关系	Германия	1
	Всесторонние стратегические партнерские отношения 全面战略伙伴关系	Англия, Франция, Бразилия, Дания, Испания, Италия, Португалия, Казахстан, Мексика, Южная Африка, Греция, Белоруссия, Индонезия, Перу, Аргентина, Венесуэла, Малайзия, Австралия, Алжир, Новая Зеландия, Монголия, Египет, ЕС	23 (22+1)
	Стратегические партнерские отношения 战略伙伴关系	ОАЭ, Ангола, Узбекистан, Польша, Таджикистан, Туркменистан, Нигерия, Канада, Сербия, Чили, Украина, Катар, Киргизстан, АСЕАН, Африканский Союз	15 (13+2)
	Взаимовыгодные стратегические партнерские отношения 互惠战略伙伴关系	Ирландия	1
	Отношения стратегического сотрудничества 战略合作关系	Турция, Саудовская Аравия, Филиппины, Бруней, Лига Арабских государств	5(4+1)
Обычные партнерские отношения 一般性的伙伴关系	Многовекторные партнерские отношения дружественного сотрудничества 全方位友好合作伙伴关系	Бельгия	1
	Всесторонние партнерские отношения дружественного сотрудничества 全面友好合作伙伴关系	Румыния, Болгария, Мальдивы	3
	Партнерские отношения всестороннего сотрудничества 全面合作伙伴关系	Конго, Хорватия, Непал, Танзания, Бангладеш, Эфиопия, Голландия, Восточный Тимор, Организация американских государств	9(8+1)
	Партнерские отношения дружественного сотрудничества 友好合作伙伴关系	Венгрия	1
	Партнерские отношения важного сотрудничества 重要合作伙伴关系	О-ва Фиджи	1
	Дружественные партнерские отношения 友好伙伴关系	Ямайка	1
Итого			72 (67+5)

Источник: [31, p. 84].

Таблица 2. Все страны и региональные объединения, с которыми КНР установил партнерские отношения, 1993–2014 гг.

Тип отношений	Континенты						Итого
	Азия	Европа	Америка	Африка	Океания		
Стратегические партнерские отношения	24+1	14+1	7	5+2	2	56	
Всего партнерских отношений со странами (региональными объединениями)	28+1	20+1	8+1	8+2	3	72	

Источник: [31, р. 82].

приграничные страны, главные торговые партнеры и страны, играющие ключевую роль в своих регионах [31, р. 78]. В этом контексте надо рассматривать проведенный 26 апреля 2012 г. в Варшаве торгово-экономический форум “Китай – страны Центральной и Восточной Европы”, на котором премьер Госсовета КНР Вень Цзябао и 16 лидеров европейских стран достигли консенсуса и установили дружественные партнерские отношения совместного развития [31, р. 80]. Главным отличием от предыдущего этапа, помимо включения в текст соглашений слов о “стратегичности” и “всесторонности”, что также свидетельствовало о повышении уровня отношений, безусловно, было изменение самой сути партнерских отношений от простых торгово-экономических до “модели сотрудничества” (合作模式) в области экономики, политики, безопасности и культуры.

Третий период (2013 г. – н. вр.) – стратегическое совершенствование. На XVIII съезде КПК в 2012 г. была четко определена задача построения “партнерских отношений глобального развития нового типа большего равенства и баланса” (建立更加平等均衡的新型全球发展伙伴关系) и предлагалось стратегические инновации и стратегическое расширение сделать прорывным направлением в стратегии партнерских отношений Китая [31, р. 80]. В результате, в 2013–2014 гг. было подписано 27 соглашений, из них 16 по установлению и 11 по развитию партнерских отношений. Таким образом, на конец 2014 г. было подписано 72 соглашения со странами и региональными объединениями (см. табл. 2), а к концу 2015 г. их количество достигло 80¹. 16 ноября 2017 г. посол КНР в России Ли Хуэй на клубной встрече Российского совета по международным делам (РСМД), посвященной “российско-китайским отношениям в свете XIX съезда КПК”, отметил, что сеть партнерских отношений Китая включает около 100 стран.

ДВА АНАЛИТИЧЕСКИХ ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ДИПЛОМАТИИ КИТАЯ

Нормативный подход: признание коренных национальных интересов КНР. В XXI веке Китай вы-

¹ В 2013 г. партнерские отношения установлены с Кенией, в 2015 г. – с Экваториальной Гвинеей, Экватором, Коста-Рикой, Суданом, Сингапуром, Ираком и Иорданией. В 2016 г. КНР подписал соглашения с семью странами об установлении и с 11-ю о развитии партнерских отношений.

двинул довольно жесткие нормативные критерии к оценке внешней политики и дипломатии иностранных государств – это отношение к коренным интересам КНР, которые, если их объединить, касаются исключительно болезненной для страны темы – отстаивание ее территориальной целостности. Прежде всего признание другими странами принципа единого, “одного” Китая, однозначная поддержка его позиции по Тайваню, Тибету и Синьцзюну, а в будущем, безусловно, – суверенитета КНР над островами в Восточном и Южно-Китайском морях (табл. 3).

Развитие партнерских отношений и их естественная диверсификация привели современных китайских ученых к необходимости дальнейшего совершенствования нормативных требований. Теперь речь идет о градации стран-партнеров по степени их влияния в своих макрорегионах и возможности использования их потенциалов для расширения дипломатических ресурсов Китая в проведении своей внешней политики в этих регионах. Страны-партнеры были разделены на две более узкие группы – опорные (*zhidian* – 支点), которые поддерживают коренные национальные интересы КНР, и узловые (*jiedian* – 结点), используемые КНР для расширения своих внешнеполитических ресурсов². Китайские авторы для своего анализа взяли в качестве зависимой переменной (因变量) – классификацию (分类变量) – произошло ли развитие/увеличение стран-партнеров и ключевые допущения (核心假设) – разделение на опорные и узловые страны. Для надежности результатов исследования, в котором использовался большой массив статистических данных, они добавили следующие переменные: наличие/отсутствие двусторонних споров (双边分歧), включающие территориальные вопросы, права человека и торговли, экономическое влияние и взаимозависимость в торговле (经济影响力和贸易依赖度), возможность получения потенциальных партнеров (潜在伙伴国) из числа друзей стран-партнеров КНР, уровень торговли оружием (武器贸易), комплексная мощь (综合实力) [36, pp. 63–67]. Из полученных результатов (табл. 4) видно, что среди

² Надо заметить, что в английском варианте китайские ученые дают более привычные для западного читателя термины: “*pivot partners*” (основные партнеры), “*broker partners*” (партнеры-посредники), возможно, более точно отражающие сущность партнерских отношений.

Таблица 3. Критерии степени поддержки странами-партнерами коренных интересов Китая

Степень поддержки	Основания оценки
0	Всего лишь упоминание принципа одного Китая, не упоминание Тайваня, Тибета и других коренных интересов Китая
1	Упоминание принципа одного Китая, признание правительства КНР в качестве единственного законного правительства, отказ от установления каких-либо официальных связей с районом Тайваня (台湾地区) (сохраняя с районом Тайваня неофициальные экономические и культурные связи); выступление против каких-либо шагов, направленных на нарушение мирного объединения (на эскалацию сложной обстановки по Тайваню)
2	Упоминание принципа одного Китая, признание его правительства в качестве единственного законного, отказ от установления каких-либо официальных связей с районом Тайваня, выступление против вхождения последнего в какие-либо международные организации от имени государства. Поддержка процесса мирного объединения КНР, против вмешательства какой-либо внешней силы (в процесс мирного объединения); против планов Тайваня по созданию “одного Китая, одного Тайваня” и “независимого Тайваня”
3	Упоминание принципа одного Китая, признание его правительства в качестве единственного законного; взаимная поддержка важных или коренных интересов, таких как суверенитет, территория и стабильное развитие; не вступление в союзы, направленные против страны-партнера; не позволение на своей территории деятельности, наносящей вред суверенитету и территориальной целостности стране-партнеру; поддержка коренных интересов КНР по Тайваню, Тибету и Синьцзяну

Источник: [36, p. 62].

Таблица 4. Классификация стран – партнеров Китая

	Узловые страны 结点国家	Неузловые страны 非结点国家
Опорные страны 支点国家	Египет, Россия, Судан	Афганистан, Пакистан, Казахстан, Камбоджа, Монголия, Мьянма, Непал, Шри-Ланка, Узбекистан, Индонезия, Таджикистан, Туркменистан, Киргизстан, Белоруссия, Украина, Ирак
Неопорные страны 非支点国家	Алжир, Аргентина, Ирландия, Бразилия, Болгария, Бельгия, Польша, Дания, Германия, Эквадор, Франция, Конго, Коста-Рика, Голландия, Канада, Кения, Румыния, Перу, Мексика, Нигерия, Португалия, Танзания, Турция, Венесуэла, Испания, Греция, Венгрия, Ямайка, Италия, Англия, Иордания, Чили	ОАЭ, Эфиопия, Ангола, Австралия, Экваториальная Гвинея, Восточный Тимор, Филиппины, о-ва Фиджи, ЮАР, Республика Корея, Колумбия, Лаос, Мальдивы, Малайзия, Бангладеш, Саудовская Аравия, Катар, Таиланд, Бруней, Сингапур, Новая Зеландия, Индия, Вьетнам

Источник: [36, p. 63].

стран – партнеров Китая всего три страны – Египет, Россия и Судан являются самыми надежными его партнерами, отвечающими всем критериям не только опорных, но и узловых стран, а США по этим критериям вообще не попали в таблицу.

Конструктивистский подход: формирование отношений. Помимо приведенного нормативного подхода и количественного метода, современную дипломатию Китая, в том числе партнерские отношения, ряд ученых рассматривает через теоретический паттерн *процессного конструктивизма*. Главная заслуга в формулировании “теории отношений” (реляционной теории, *relational theory*, 关系理论) и “процессного конструктивизма” (*process-oriented constructivism*, 过程建构主义) принадлежит Цинь Яцину, ректору Дипломатического университета Китая МИД КНР. Цинь Яцин, основываясь на социальном конструктивизме и китайской философской традиции, стремится разработать теоретическую модель процессного конструктивизма путем включения и концептуализации двух ключевых китайских идей – процессов и отношений. По мнению ученого, “процесс”, определяемый как отношения в движении,

может играть самостоятельную роль и иметь свою собственную динамику и важное значение в международных отношениях. Ядро процесса, по определению, заключается в отношениях. Если “рациональность”, коренящаяся в индивидуальности, является ключевым понятием западного общества, то его двойником в китайском обществе могут быть “отношения” (“реляционность”). Концептуализируя отношения и рассматривая их в качестве твердого теоретического ядра, процессный конструктивизм, как это видится Цинь Яцину, представляет собой сеть отношений в международном обществе, помогающая государству-нации в формировании своей идентичности и производстве международной силы. *Процессный конструктивизм* является теорией эволюции на системном уровне, который сосредоточивает внимание на интерактивных практиках между государствами, подчеркивает независимую онтологию социальных процессов и играет существенную роль в построении международных норм и государственных идентичностей [37].

В международных исследованиях Китая Цинь Яцин выделяет три основные тенденции: первая,

которую автор называет *лицевым подходом* (*the obverse approach*), определяет китайскую мысль как теоретическую основу для рассмотрения подлинной мироцелостности (*worldism*, 世界性), благодаря традиционным концепциям, таким как Тянься (*Tianxia*, 天下) и конфуцианские семейные узы. Вторая говорит о существовании *обратного подхода* (*the reverse approach*), который применяет западные теоретические парадигмы в концепции власти древних китайских мыслителей; это теория, подчеркивающая иерархию международной системы и акцентирующая внимание на международном китайском господстве. Наконец, третья – *интерактивная* (*interactive approach*), она строит межкультурный, вдумчивый и критический диалог, в то же время применяя автохтонный концептуальный формат, такой как конфуцианское понятие отношений – *реляционизм* (*relationism*), а из зарубежных – *рационализм* (*rationalism*) [38, p. 67].

Разработка главных положений теории, основанных на указанных выше подходах, впервые предложена Цинь Яцином в статье “Отношения и процессное строительство: привнесение китайских концепций в теорию международных отношений” [39]. В полном виде “теория отношений” изложена Цинь Яцином в монографии “Отношения и процессы: культурные основания теории международных отношений Китая” [40], которая в последующие годы получила дальнейшее развитие в статьях о теории отношений международной и мировой политики [41]. Другие китайские ученые активно включились в обсуждение и использование аналитического формата теории отношений в своих исследованиях международных отношений, в частности китайско-американских отношений [42], регионального управления на основе отношений [43]. В академическом сообществе КНР кроме “теории отношений” Цинь Яцина разрабатывается предложенная тайваньским ученым Ши Чжюем “теория баланса отношений” (*guanxi junheng lilun*, 关系均衡理论), которая чаще используется для анализа внешнеполитической практики Китая.

По мнению китайских ученых, “отношения” в международной политике – это сбалансированная конструкция (均衡结构) или когнитивный результат (认知结果), сформированный в результате взаимодействия социальных субъектов (акторов), отражающий основные характеристики степени доверия акторов между собой и также являющийся основой предсказуемого их поведения в будущем [43, p. 99]. В области международной политической экономики управление, основанное на отношениях, или, другими словами, реляционное управление (关系治理, *relation-based governance*), имеет следующие четыре специфические черты. Первая. Управление на основе отношений не является результатом переговорного процесса о соглашении,

а итогом сформировавшегося консенсуса (形成的共识), который в конце концов приводит к созданию подобной системы управления, имеющей такие особенные черты, как неформальность (非正式性) и необязательность (非强制性) [44, p. 334]. Вторая. Управление на основе отношений представляет собой гибкую модель и исполнительный механизм, не имеющий застывшей закрепленной формы (固定的僵化模式), а является базой консенсуса интересов и доверия. Содержание подобного управления заключается в неопределенности, неясности (*mohuxing*, 模糊性) и гибкости (*linghuoxing*, 灵活性), которые позволяют регулировать и исправлять отношения одновременно с изменениями социальной обстановки, поэтому издержки, связанные с их формированием и трансформированием, крайне низки. Третья. Управление на основе отношений обычно имеет долговременную ориентированность (长期导向性) и фокусируется на грандиозных, стратегических и глобальных целях. Если говорить о краткосрочных или локальных интересах, то в основном такое управление ориентируется на реализацию долгосрочных и общих целей, например, экономические интересы ставятся выше интересов политических и безопасности. Четвертая. Управление на основе отношений, что касается ценностных ориентаций, носит инклюзивный характер (包容性), а по форме – характеризуется открытостью (开发性) [43, pp. 99, 100].

Отмеченные китайскими коллегами достоинства стратегии партнерских отношений не могут тем не менее скрыть и те недостатки, которые таятся в этой дипломатии, по крайней мере в ее китайской интерпретации, и вызывают настороженность в соседних странах, которая приводит к срыву уже подписанных и реализуемых контрактов. Так, проекты в рамках предложенной Китаем Инициативы “Пояса и пути” уже сейчас сталкиваются с препятствиями в странах АСЕАН. Правительство Малайзии, например, приостановило строительство 688-километрового железнодорожного проекта, реализуемого под руководством Китайской строительной компании, флагманского проекта для “Пояса и пути”. Кроме того, в этой же стране были приостановлены два проекта трубопроводов, финансируемые Экспортно-импортным банком Китая [45]. Помимо этого, бывший постоянный секретарь Министерства иностранных дел Сингапура Билахари Каусикан в конце июня 2018 г. на конференции по китайской публичной дипломатии выступил с критикой КНР. Он утверждал, что последняя пытается использовать скрытые “операции влияния”, чтобы манипулировать другими странами и распространять свое господство. Китай, по его словам, нарушает принцип невмешательства во внутренние дела других стран, подкупая в них политиков и общественное мнение [46].

Таким образом, видно, что АСЕАН как самостоятельная институциональная сила Восточной Азии настроенно, если не сказать враждебно, относится ко многим начинаниям Китая в сфере экономики, политики и дипломатии.

* * *

Успешный подъем и развитие КНР за последние четверть века могут объясняться главным образом его собственными изменениями, в том числе в такой важной сфере внешней политики, как дипломатия. И эти изменения связаны с взаимодействием и практикой вовлечения страны в мировую систему. Она в значительной степени изменилась сама и принесла изменения в международное сообщество.

25-летний опыт партнерских отношений, построенных на реляционном управлении, позволил

Китаю создать целостную глобальную дипломатическую сеть, которую отличают долгосрочность решаемых задач, гибкие формы и инклюзивность ценностных ориентаций, что уже сейчас рассматривается как привнесение в современную систему международных отношений китайского видения развития глобальной политической системы. Между тем эти ценностные ориентации Китая не всегда, как видно из приведенных примеров, воспринимаются другими странами как достаточные и необходимые для замены существующих универсальных ценностей мировой системы.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках совместного проекта РФФИ-КАОН № 17-27-21002 “Российская и китайская помощь странам Азии и Африки: сравнительный анализ и перспективы координации”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Pang Xun, Liu Lida, Ma Stephanie. China's Networking Strategy for Seeking Great Power Status. *The Chinese Journal of International Politics*, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 1-29.
2. Кривохиж С.В. *Публичная дипломатия Китайской Народной Республики: становление и развитие*. Дисс. канд. ист. наук. Санкт-Петербургский государственный университет, 2014 [Krivokhizh S.V. *Publichnaya diplomatiya Kitaiskoi Narodnoi Respubliki: stanovlenie i razvitiie* [Public Diplomacy of People's Republic of China]. Cand. Sci. diss. (Hist.). St. Petersburg State University, 2014]. Available at: https://disser.spbu.ru/disser2/disser/krivohij_public_diplomacy_disser.pdf (accessed 10.06.2017).
3. Лексютин Я.В. Экономическая дипломатия Китая в 21 веке. *Проблемы Дальнего Востока*, 2015, № 2, сс. 24-37 [Leksyutina Ya.V. *Ekonomicheskaya diplomatiya Kitaya v 21 veke* [Economic Diplomacy of China in 21st century]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2015, no. 2, pp. 24-37.]
4. Цвык А.В. Экономическая дипломатия Китая: основные черты. *Региональная экономика и управление*, 2013, № 1 (33), сс. 21-37 [Tsvyk A.V. *Ekonomicheskaya diplomatiya Kitaya: osnovnye cherty* [Chinese Economic Diplomacy: main features]. *Regionalnaya ekonomika i upravleniye*, 2013, no. 1 (33), pp. 24-37.]
5. Никитина М.Г., Пыжик С.А. Нефтяная дипломатия Китайской Народной Республики. *Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия “Экономика и управление”*. 2014, т. 27 (66), № 1, сс. 94-100 [Nikitina M.G., Pyzhik S.A. *Neftyanaya diplomatiya Kitaiskoi Narodnoi Respubliki* [Oil diplomacy of People's Republic of China]. *Uchenyye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya “Economica i upravleniye”* [Scientific notes of Tauride national University named after V.I. Vernadsky. Series “Economics and management”]. 2014, vol. 27 (66), no. 1, pp. 94-100.]
6. Вотинцева К.А. Культурная дипломатия Китая. *Гуманитарные научные исследования*. 2014, № 11. [Votintseva K.A. *Kul'turnaya diplomatiya Kitaya* [Cultural Diplomacy of China]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*, 2014, no. 11]. Available at: <http://human.snauka.ru/2014/11/8065> (accessed 13.11.2018).
7. Богатуров А.Д., отв. ред. *Современная мировая политика. Прикладной анализ*. 2-ое изд., испр. и доп. Москва, Аспект Пресс, 2010. 592 с. [Bogaturov A.D., ed. *Sovremennaya mirovaya politika. Prikladnoi analiz* [Modern World Politics. Applied Analysis]. 2nd edition, Moscow, Aspekt Press, 2010. 592 p.]
8. Козыкина Н.В., Муратшина К.Г. *Особенности дипломатии современного Китая*. Учебное пособие. Михайленко В.И., науч. ред. Екатеринбург, Изд-во Уральского университета, 2017. [Kozykina N.V., Muratshina K.G. *Osobennosti diplomatii sovremennogo Kitaya*. Uchebnoe posobie [Diplomatic Features of Modern China. Study guide]. Mikhailenko V.I., ed. Ekaterinburg, Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2017.] Available at: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/53214/1/978-5-7996-2135-3_2017.pdf (accessed 13.11.2018).
9. Портяков В.Я. Партнерство как инструмент современной внешней политики КНР. *Общество и государство в Китае: XLI научная конференция*. Институт востоковедения РАН Москва, Восточная литература, 2011, сс. 204-207. [Portyakov V. Ya. *Partnerstvo kak instrument sovremennoi vneshnei politiki KNR* [Partnership as a tool of modern Chinese foreign policy]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: XLI nauchnaya konferentsiya* [Society and state in China: XLI scientific conference]. Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Vostochnaya literatura, 2011, pp. 204-207.]
10. Hamilton Daniel S. *The American Way of Partnership*, Working Paper 6. Madrid/Brussels: FRDE/EGMONT, June 2014. Available at: <http://ibdigital.uib.es/greenstone/collect/cd2/index/assoc/fride001/1.dir/fride0011.pdf> (accessed 12.11.2018).
11. Tellis Ashley J. Seeking Alliances and Partnership: The Long Road to Confederationism in U.S. Grand Strategy. *Strategic Asia 2014–15: U.S. Alliances and Partnership at the Center of Global Power*. Tellis Ashley J., Denmark Abraham M., Chaffin Greg, eds. Seattle, The National Bureau of Asian Research, 2014. Available at: <https://www.nbr.org/publication/strategic-asia-2014-15-u-s-alliances-and-partnerships-at-the-center-of-global-power> (accessed 12.11.2018).

12. Parameswaran Prashanth. Explaining US Strategic Partnerships in the Asia-Pacific Region: Origins, Developments and Prospects. *Contemporary Southeast Asia*, 2014, vol. 36, no. 2, pp. 262-289.
13. Kumar Satish, et al. *India's Strategic Partners: A Comparative Assessment*. New Delhi, Foundation for National Security Research, 2011. Available at: http://www.fnsr.org/files/Indias_Strategic.pdf (accessed 12.11.2018).
14. *Strategic Partnership as an Instrument of EU Foreign Policy, Workshop Report, November 2015*. Available at: <http://www.egmontinstitute.be/content/uploads/2015/12/Strategic-Partnership-Workshop-Report-final.pdf?type=pdf> (accessed 12.11.2018).
15. Renard Thomas. The EU Strategic Partnerships Review: Ten Guiding Principles. *Policy Brief*, no. 2, April 2012. Available at: [https://www.ies.be/files/private/28\)%20Renard%20-20Ten%20Guiding%20Principles.pdf](https://www.ies.be/files/private/28)%20Renard%20-20Ten%20Guiding%20Principles.pdf) (accessed 12.11.2018).
16. Renard Thomas. Strategy Wanted: The European Union and Strategic Partnerships, *Security Policy Brief*, no. 13, September 2010. Available at: <http://aei.pitt.edu/15061/1/SPB13-EU-Strategic-Partnerships.pdf> (accessed 12.11.2018).
17. Wuthnow Joel. *Chinese Diplomacy and the UN Security Council: Beyond the Veto*. London, New York, Routledge, 2013. 385 p.
18. Hartig Falk. *Chinese Public Diplomacy: The Rise of the Confucius Institute*. London, New York, Routledge, 2016. 216 p.
19. Gao Jia, Ingram Catherine, Kee Pookong eds. *Global Media and Public Diplomacy in Sino-Western Relations*. London, New York, Routledge, 2017. 218 p.
20. Zhang Xiaotong, Wang Hongyu, et al. *Chinese Economic Diplomacy: The PRC's Growing International Influence in the 21st Century*. Beijing, Beijing Alain Charles Advertising Limited, 2015. 236 p.
21. Oyen Meredith. *The Diplomacy of Migration: Transnational Lives and the Making of U.S. – Chinese Relations in the Cold War*. Ithaca, London, Cornell University Press, 2015. 308 p.
22. Karrar Hasan H. *The New Silk Road Diplomacy: China's Central Asian Foreign Policy since the Cold War*. Vancouver, UBC Press, 2009. 252 p.
23. Keevak Michael. *Embassies to China: Diplomacy and Cultural Encounters Before the Opium Wars*. London, Palgrave Macmillan, 2017. 162 p.
24. Solomon Richard H., Chas W. Freeman Jr. *Chinese Negotiating Behavior: Pursuing Interests Through "Old Friends"*. Washington, United States Institute of Peace Press, 2016. 204 p.
25. Hall Todd H. *Emotional Diplomacy: Official Emotion on the International Stage*. Ithaca, London, Cornell University Press, 2015. 264 p.
26. Cooper John F. *China's Foreign Aid and Investment Diplomacy, Volume I: Nature, Scope, and Origins*. London, Palgrave Macmillan, 2016. 283 p.
27. Jian B.M. *China's Soft Power Diplomacy in South Asia: Myth or Reality?* Lanham, Maryland, Lexington Books, 2017. 172 p.
28. Reeves Jeffrey. Imperialism and the Middle Kingdom: The Xi Jinping administration's peripheral diplomacy with developing states. *Third World Quarterly*, 2018, vol. 39, no. 5, pp. 976-998.
29. Pan Zhongqi, ed. *Conceptual Gaps in China-EU Relations: Global Governance, Human Rights and Strategic Partnerships*. New York, Palgrave Macmillan, 2012. 246 p.
30. Struver Georg. China's Partnership Diplomacy: International Alignment Based on Interests or Ideology. *The Chinese Journal of International Politics*, March 2017, vol. 10, no. 1, pp. 31-65.
31. 门洪华，刘笑阳：“中国伙伴关系战略评估与展望” 载 世界经济与政治 2015年第2期第65 - 95叶 [Men Honghua, Liu Xiaoyang. Chinese Partnership Strategy: Assessment and Perspective. *World Economics and Politics*, 2015, no. 2, pp. 65-95 (In Chin.)]
32. 苏格：“习近平外交战略思想全面领航” 载 国际问题研究 2016年第5期 [Su Ge. Comprehensive Analysis of Xi Jinping's Ideas on Diplomatic Strategies. *International Studies*, 2016, no. 5. (In Chin.)] Available at: http://www.ciis.org.cn/gyzz/2016-09/26/content_9057017.htm (accessed 13.11.2018).
33. 门洪华：“中国崛起及战略应对” 载 国际观察 2004年第3期第9 - 16叶 [Men Honghua. China's Rise and its strategic response. *International Review*, 2004, no. 3, pp. 9-16 (In Chin.)].
34. 当代中国外交概论/李宝俊著。- 北京：北京大学出版社，2005年，275 叶 [Li Baojun. *Introduction to Diplomacy of Modern China*. Beijing, Beijing University Press, 2005. 275 p. (In Chin.)]
35. 中国国际战略导论/门洪华著。-北京：清华大学出版社 [Men Honghua. *Introduction to Chinese International Strategy*. Shanghai, People's Publishing House, 2010 (In Chin.)] Available at: <https://item.jd.com/27137532830.html> (accessed 13.11.2018)].
36. 孙学峰，丁鲁：“伙伴国类型与中国伙伴关系升级” 载 世界经济与政治 2017年第2期第54 - 76叶 [Sun Xuefeng, Ding Lu. Explaining the Upgrading of China's Partnership: Pivot Partners, Broker Partners and Beyond. *World Economics and Politics*, 2017, no. 2, pp. 54-76 (In Chin.)]
37. 曹德军：“国际政治“关系理论”：概念，路径与挑战” 载 世界经济与政治 2017年第2期第36 - 53叶 [Cao Dejun. The Relational Theory of International Politics in Chinese Context: Concepts, Approaches and Challenges. *World Economics and Politics*, 2017, no.2, pp. 36-53 (In Chin.)]
38. Qin Yaqing. Culture and global thought: Chinese international theory in the making. *Revista CIDOB d'Afers Internacionals*, 2013, no.100, pp. 67-89.
39. 秦亚青：“关系本位与过程建构：将中国理念植入国际关系理论” 载 中国社会科学 2009年第4期第69 - 86叶 [Qin Yaqing. Relations as basis and Process construction: Chinese Conceptions' entry to IR Theory. *Chinese Social Sciences*, 2009, vol. 4, pp. 69-86 (In Chin.)]

40. 关系与过程：中国国际关系理论的文化建构/秦亚青著。-上海：上海人民出版社2012年，274页 [Qin Yaqing. *Relations and Process: Cultural Foundations of Chinese IR Theory*. Shanghai, People's Publishing House, 2012. 274 p. (In Chin.)]
41. 秦亚青, [加拿大] 阿米塔夫 阿查亚：“国际政治的关系理论的新探索” 载 “世界经济与政治” 2015年第2期第4-15页 [Qin Yaqing, Amitav Acharya. New Development in Theory of International Politics. *World Economics and Politics*, 2015, no. 2, pp. 4-15 (In Chin.)]
42. 莫盛凯：“权力转移与预防性合作” 载 世界经济与政治 2015年第2期第16-40页 [Mo Shengkai. Power Transition and Preventive Cooperation: The Path to China-U.S. New Relation from the Perspective of Processual Constructivism. *World Economics and Politics*, 2015, no. 2, pp. 16-40 (In Chin.)]
43. 陈伟光, 王燕：“共建“一带一路”：给予关系治理与规则治理的分析框架” 载 世界经济与政治 2016年第6期第93-112页 [Chen Weiguang, Wang Yan. Co-constructing the “One-Belt-One-Road”: An Analytical Framework on Relation-Based Governance and Rule-Based Governance. *World Economics and Politics*, 2016, no. 6, pp. 93-112 (In Chin.)]
44. 柳思思：“关系治理与制度治理世界政治与全球治理” 载 国际关系研究文集/秦亚青主编。-北京：世界知识出版社，2014年 第334-349页 [Ang Sisi. Relation-based governance and system-based governance. *World Politics and Global Governance: Essays on International Relations*. Qin Yaqing, ed. Beijing, World Knowledge Press, 2014, pp. 334-349 (In Chin.)]
45. Xie Jun and Chen Qingqing. B&R faces ASEAN uncertainty. *Global Times*, 05.07.2018, p. 4.
46. Ge Hongliang. Criticism shouldn't disrupt China-Singapore ties. *Global Times*, 05.07.2018, p. 5.

**CHINESE PARTNERSHIP STRATEGY:
PRACTICE AND ITS CONCEPTUALISATION (1993–2018)**

(*World Economy and International Relations*, 2019, vol. 63, no. 3, pp. 83-93)

Received 18.09.2018.

Evgeny N. GRACHIKOV (egrachikov@gmail.com),

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow 117198, Russian Federation.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the scientific project of Russian Foundation for Basic Research – Chinese Academy of Social Sciences № 17-27-21002 “Russian and Chinese assistance to Asian and African countries: comparative analysis and coordination prospects”.

The article deals with „partnership relations“ (huoban guanxi 伙伴关系), the main content of China's diplomacy from 1993 to 2018, which were established with 100 countries in five macro-regions of the world. The global “network of relations” created allows Beijing to use the “pivot states” (zhidian guojia 支点国家) to protect its core interests, and the “broker states” (jiedian guojia 结点国家) – to expand international cooperation resources. Recently, Chinese scientists have succeeded in composing a “matrix of partnerships” (in the form of tables presented in the article) with a strictly hierarchical structure of partner countries location in accordance with Chinese criteria for their significance. The author has aspired to present China's logic of building diplomatic strategies in the fullest possible manner, as well as to disclose the content of the topic in the context of formation of Chinese diplomacy, with the extensive use of sources published in the PRC over the last decade. The methodological toolkit employed in the article is the process approach proposed by Qin Yaqing, inscribed in the theoretical pattern of process constructivism (guocheng jiangou zhuyi) and normative approach. This analytical format is used so far only in Chinese studies of world politics. The author concludes that global governance built on relations is China's foreign policy practice, which often acts as an alternative to the Western global governance based on rules. The twenty-five years of experience in partnerships built on relationship management allowed China to build a holistic global diplomatic network, which is distinguished by long-term tasks, flexible forms and inclusive value orientations, which is now considered as bringing Chinese world view into the modern system of international relations. As can be seen from the article, these value orientations of China, meanwhile, are not always perceived by other countries as sufficient and necessary to replace the existing universal values of the world system.

Keywords: China's diplomacy, partnership, diplomatic strategies, process constructivism, pivot states, broker states.

About author:

Evgeny N. GRACHIKOV, Candidate of Political Science, Associate Professor.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-3-83-93